

K 556/49.

Рис. Ю. ГАНФА

ПРО ХВОСТ

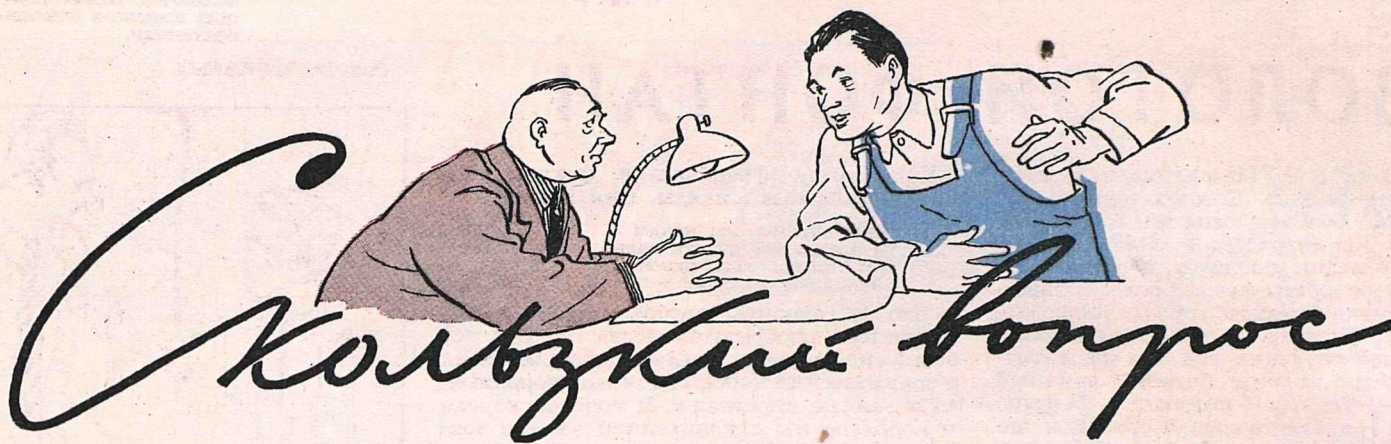
— Посмотри, у этого лидера тред-юнионов хвоста нет, а виляет он перед своим хозяином не хуже нас, собак.

КРОКОДИЛ

Огненная река и её притоки.

И. КОСТЮКОВ

ПОЗДНЕЕ летнее утро. Директор завода «Металлист» Квашнин, прежде чем пойти по цехам, решил привести в порядок убранство своего стола, перепутанное уборщицей. Когда он старательно переставлял календарь на место пепельницы, а пепельницу — на место прокатательного пресса, раздался стук в дверь.

— Явление первое, — сказал Квашнин, напуская на лицо выражение озабоченности и деловитости.

Вошёл хорошо знакомый Квашнину слесарь Берёзкин из отдела главного механика.

— Так это ты, Берёзкин? — улыбнулся Квашнин. — Чем порадуешь с утра? А? Или опять станок не по-твоему сделан? Так, что ли?

— Почти, — согласился Берёзкин. — Они все, Павел Матвееч, какие-то такие... уж я и не знаю, как их назвать! Ну, вроде как тесные ботинки, что ли: ты хочешь прибавить шагу, а они то жмут, то трют.

— Насчёт тесных ботинок обратись по месту покупки. Там заметят. А сейчас насчёт дела давай. Что у тебя?

— Я, Павел Матвееч, предлагаю изменить конструкцию подшипников токарного станка. Понимаете, сейчас, когда нам нужно увеличить обороты шпинделя, то существующие подшипники...

Указательный палец Берёзкина проворно замелькал между чертежом, расчётами и грудью Квашнина.

— Подожди! Не горячись! — замахал рукой Квашнин. — Не за трамваем гонишься! Дай мне всё в толк взять. Значит, по-твоему,

выходит, что если мы увеличим число оборотов шпинделя на одну треть, то получится... получится... — и, закатив глаза под лоб, Квашнин то шопотом, то вслух принялся подсчитывать. — Если, допустим, возьмём тысячу оборотов... тысяча, делённая на три... а таких станков у нас больше полусотни... то, значит, выходит... А знаешь что, Берёзкин? Хорошо, брат, выходит! Молодец! Оставь-ка мне свои расчёты, я их тут сам до ума доведу...

Проводив Берёзкина, Квашнин задумался. «Слов нет, предложение ценное, — рассуждал он, — только как к нему приступить? Ведь дело новое, непроверенное. Кто его знает... Посоветуюсь-ка я с трестом».

Через два часа Квашнин сидел в кабинете управляющего трестом и доказывал:

— Понимаете, Михаил Фёдорович, как это необходимо для производства. Ведь вы только подумайте: мы изыскиваем всякие возможности, мобилизуем разные ресурсы, а тут... Да что там говорить! Над таким вопросом большие специалисты на лбу мозоли натёрли, а мой Берёзкин их перещеголял! И я, Михаил Фёдорович, убедительно прошу вас...

— Что ты меня всё уговариваешь: «Прошу, прошу!» — сердито сказал управляющий. — Ты сам кто? Директор! И если уверен, что дело нужное, так делай!

— Да я... оно, конечно... сомневаться тут что ж. Всё ясней ясного. Только ведь... кто его, Михаил Фёдорович, знает. Может, всё-таки черкните распоряженьеце?

— Я могу черкнуть такое, что ты не возрадуешься! Решай сам.

Два дня Квашнин обдумывал ответ Берёзкину. Он осунулся, оброс, стал каким-то вялым, будто только что вышел из парной бани.

За эти два дня Квашнин ни разу не был на производстве, приём посетителей поручил заместителю, а если кого и принимал сам, то разговаривал кислым, неуверенным голосом.

— Я головой ручаюсь, что у вас самый настоящий грипп, — авторитетно заявил бухгалтер. — А с гриппом, Павел Матвееч, сами понимаете, шутки плохие. Чуть что — и осложнение. Знаете

что: выпейте четвертушку водки пополам с огуречным рассолом! Как рукой снимет! У меня свояк только этим и спасается!

— Нет, — покрутил головой Квашнин. — Как-нибудь обойдусь без рассола...

Несколько раз звонила жена, пытаясь узнать причину его небывалой задержки на работе, но каждый раз получала ответ:

— Делишки поднабрались, вот и задержался. Как разгрузюсь, так и приеду.

К исходу третьего дня Квашнин решил позвать слесаря Берёзкина.

— Хватит дурака валять! — стукнул он кулаком по столу, от чего большая стрелка настольных часов перескочила на четыре минуты вперёд, а из пепельницы выпрыгнули окурки. — Что я, в самом деле, нерешительный какой-то! Скажу, что конец квартала, программу нужно подогнать и, вообще, пусть повременит малость со своей рационализацией. А в будущем квартале что-нибудь сообразим... Надюша! — крикнул он в сторону двери. — Позови-ка слесаря Берёзкина.

Через четверть часа пришёл Берёзкин, на ходу вытирая замасленные руки.

— А я к вам вчера заходил, — вместо приветствия сказал Берёзкин. — Да меня не пустили. Сказали, что у вас грипп.

— Грипп?... Ах, да! Прихворнул малость. Теперь ничего. Только поясницу ломит. К дождю, что ли?... Да, вот что... Я тут ещё раз просмотрел твоё предложение и... видишь ли... Одним словом, спасибо и за твою заботу о производстве и... и вообще...

Он замалялся и покрутил рукой в воздухе.

— Ну, что вы, Павел Матвееч! — смущённо улыбнулся Берёзкин. — Разве я из-за благодарности? Для общего дела стараюсь.

— Вот-вот! И я про то же. Для общего дела иногда, понимаешь, и личным приходится жертвовать. Вот и тебе тоже надо будет...

— Да я уж и так двое суток домой не ходил. Нужно будет — ещё неделю не пойду. Но только такой нужды-то больше нет. Мы с главным инженером всё сделали. Пойдёмте посмотрим, как он работает.

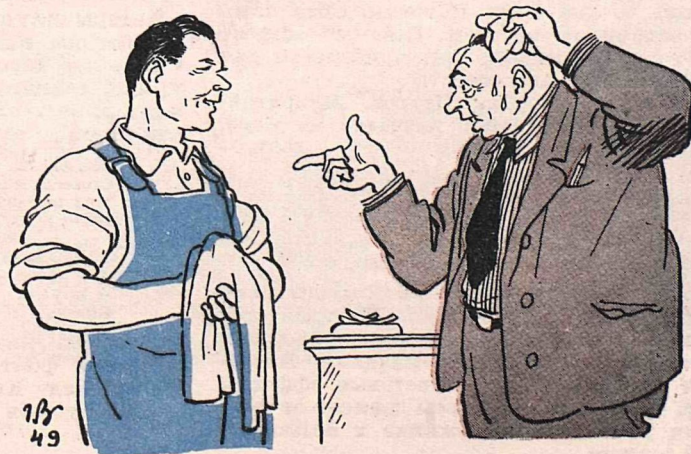
— Кто работает? Главный инженер?

— Нет, станок.

— Станок? Постой, постой! Какой станок?... Ах, да, понимаю! Значит, тот самый. А я думал, ты про что-нибудь другое! Переделали, значит?

Квашнин растегнул ворот и вытер лоб.

— Значит, всё в порядке? Ну, спасибо, спасибо! Понимаешь, я же всегда говорил, что ты... Одним словом, молодец ты, вот что! Для этого я тебя и вызвал, об этом самом и хотел сказать. Понятно? А теперь пойдём посмотрим, что там у вас получилось. Только сначала я позвоню домой. Скажу, что сегодня приеду. А то как-то нехорошо: дело делом, а семью тоже нужно уважать.

Иллюстрации Г. ВАЛЬКА

Наблюдаются случаи, когда к премиям за изобретения называются «соавторы», не имеющие никакого отношения к изобретениям.

ЗОЛОТОЙ ФОНТАН

К. Гузынин и А. Масленников сочинили оперетту-феерию. Композиторы С. Заранек и М. Воловац оснастили оперетту музыкой. Ленинградский театр музыкальной комедии оперетту поставил.

Действие оперетты-феерии развёртывается в маленьком южном городке. Персонажи носят русские имена и фамилии. В списке действующих лиц они называются советскими людьми: Петров — научный работник, Черных — инженер, Наташа Кривцова — искусствовед и чемпион по плаванию, Смолякова — ботаник, Карпенко — техник, Африкан — заведующий кафе, Березовский — директор гостиницы, и т. д., и т. п. Но едва поднимается занавес, как мы без труда узнаём под советскими одеждами старых знакомых из венских оперетт. На протяжении трёх актов и пяти картин они в прозе и в стихах объясняются в любви, выдают себя друг за друга, распевают дуэты и куплеты, изредка произносят фразы, напоминающие о том, что действие происходит в наши дни, чаще острят.

Вот заведующий летним кафе поучает шофёра:

— Брось! Где это видано, чтобы шофёр дожидался! Отродясь такого случая не слышал. Ты ещё на халтурку успеешь.

На что шофёр отвечает:

— Ну, ладно, ладно! Это вам — не собрание (!). Вам тоже дай только волю, так вы сядете на шею и ножки свесите!

В маленький южный городок приезжает научный работник Петров. «Чтобы применить на практике свой метод бурения морского дна», — заявляет он и здесь же, позавыв о цели приезда, как заправский венский опереточный герой окунается в волны неудачной любви...

Пловчиха Наташа Кривцова, утомлённая своей спортивной славой, меняется именами с подругой — ботаником Смоляковой. В новом качестве Кривцова проводит вечера с инженером Черных, а научный работник Петров в это время её ревнует. Ботаник Смолякова, в каскадном угаре окончательно растеряв остатки грамотности, подхватывает общее любвеобильное настроение:

«Я тоже очень удивилась:
Что вдруг с мужчинами случилось,
С утра лезут в море по самые уши,
Чтоб в грязь не ударить лицом,
Ныряют и прыгают, словно лягушки (!),
Стараясь казаться пловцом (!)...»

Словом, как резюмируют в третьем акте техник Карпенко и ботаник Смолякова:

«Что за штука эта самая любовь,
Как микроба (!) попадает она в кровь...»

Вот что случилось с научным работником Петровым и инженером Черных в оперетте-феерии «Золотой фонтан». К ним в кровь попала «микроба», и они чуть не позабыли о нефти, которую им надлежало добыть со дна моря. Впрочем, сами авторы вспомнили об этом. Главный эффект своего произведения они приберегли для конца второго действия.

Научный работник Петров, возвратившись после неудачной разведки на море, поёт:

«Море тоже
Сердце гложет,
Мне покоя не даёт.
Дни и ночи
Мы хлопочем,
Только нефть всё не идёт...»

Здесь он засыпает и... авторы опускают зрителей на морское дно. Раскрывается подводное царство с роскошным дворцом, морскими коньками и... наядами. Авторская ремарка гласит: «Световые эффекты и пр. феерические фокусы зависят от фантазии режиссёра, художника и возможностей театра».

Начинаются феерические фокусы. На сцену выплывают наяды. Они поют:

«Мы сирены, мы наяды
И всегда вас видеть рады...
Улыбнитесь хоть одной,
Офицерик молодой!..»

Что и говорить, авторы проявили недюжинную изобретательность! Во сне всё возможно, поэтому среди полуголых наяд и залихватских морских коньков появляются и земные персонажи. В морском королевстве и королевстве мы с удивлением узнаём земного директора гостиницы и его жену. Прибывает на дно и чемпион по плаванию Наташа Кривцова, теперь в качестве подводной царевны.

А морские коньки безнаказанно распевают шантанье куплеты:

«Нет устойчивей погоды,
Чем на дне глубоких вод.
Но меняют дамы моды
По четыре раза в год.
То длиннее, то короче
Носят юбки без причин (!)
И... как будто, между прочим,
Покоряют нас, мужчин...»

В конце концов подводная царевна-пловчиха, которой надоедают кривляния короля и королевы, ударяет о морское дно — и из него взрывается золотой фонтан. В этот момент у себя в комнате научный работник просыпается от крика: «Нефть!». Пока он спал, в море забил нефтяной фонтан...

Происходит беглое объяснение героев. Выясняется, что пловчиха любит научного работника, а не инженера. Инженер поздравляет соперника с любовной удачей — и занавес опускается.

Оперетта в таком виде была поставлена и показана ленинградским зрителям с разрешения местных репертуарных органов. После вмешательства Главреперткома и Комитета по делам искусств авторы стали срочно латать и перекраивать своё произведение. Однако немедленное исполнение, «в присутствии заказчика», оправдывает себя только в артелях «Срочный ремонт». В искусстве спешка всегда приводит к нежелательным последствиям.

В исправленном варианте научный работник Петров изъясняется уже в других выражениях, но на том же поэтическом уровне:

«Что такое,
Сердце ноет,
Мне покоя не даёт.
Хорошо б уснуть, забыться,
Только сил недостаёт...»

Наяды в новом варианте стыдливо вычеркнуты из списка действующих лиц, однако их присутствие выдаёт женский хор:

«Вот вам сирены, вот вам наяды
Вышли резвиться гурьбой...»

Авторы оглапляют советских людей, вкладывают им в уста нелепые утверждения: «Что в ней хорошего, в опере?», «Все певцы у нас хрипят...», «Литература — не аргумент...»; заставляют их изъясняться косноязычными, полуграмотными стихами:

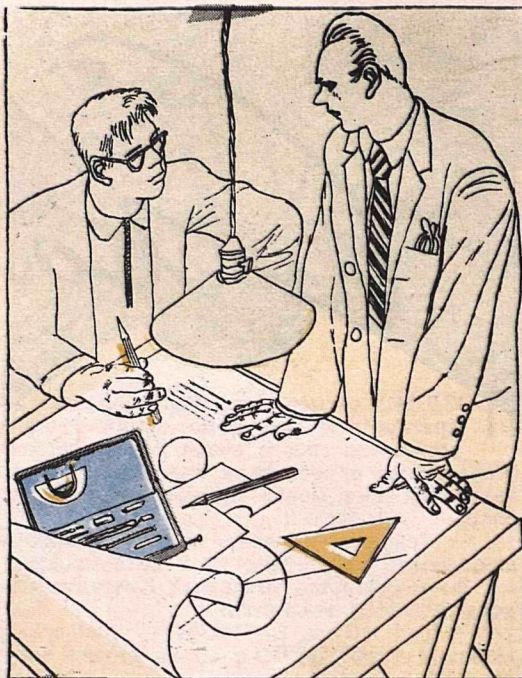
«Узнал и вынес очень много
Советский воин-исполнин,
Что нас военная дорога
Вела к победе на Берлин...»

«...Ты летаешь, ветер вольный,
И в пустынях и в горах
И других людей довольно (!)
Видишь в разных городах...»

Авторы назвали своё произведение «Золотой фонтан». Уж не этот ли фонтан имел в виду Козьма Прутков, когда писал: «Если у тебя есть фонтан — заткни его...»

Н. ЛАБКОВСКИЙ

Рис. М. ЧЕРЕМНЫХ

— А разве наш начальник тоже принимал участие в этом изобретении?

— А как же! Ведь это он подписал приказ о премировании изобретателей!

БЕЗ ВОЛОКИТЫ

— В нашем учреждении, — хвастал один управделами другому, — волокита изжита полностью. Любой посетитель попадает со своим заявлением сразу к младшему товарищеведу, затем с его резолюцией прямо к помощнику экономиста, потом согласовывает вопрос с заместителем диспетчера, оттуда для уязвки — непосредственно к плавнику, потом получает согласие бухгалтера, резолюцию юриста, мнение консультанта, визу референта, подпись секретаря, подпись председателя и — всё! Дело его сделано.

Я. ДЫМСКОЙ

С ПОДЛИННЫМ СКВЕРНО

«ЛЕДОВОЕ ПОБОИЩЕ» В РУБЦОВСКЕ

Нестором-летописцем, запечатлевшим в веках «Ледовое побоище» на Алтае, в Рубцовской криторе межрайонного розничного торгового центра, оказался директор торгового центра Щербанов, издавший следующий приказ:

«Несмотря на многочисленные предупреждения главной бухгалтерии Рубторга и кроме того, на проводимых совещаниях с бухгалтерским аппаратом о дисциплине завсегда в бухгалтерии разговор во весь голос причём стараясь друг друга перекричать...»

Сегодня зам. гл. бухгалтер Иваникова вместо наведения порядка сама разговоривая со ст. бухгалтером чайной № 1 тов. Павловой, которая разговоривая тихим тоном голоса, Иваникова же стараясь показать своё превосходство в ранге почти криком кричит, после чего разговоривая с бухгалтером хозяйства Шейкиным и также у самого носа друг друга, но стараясь перекричать друг друга оба.

Старший бухгалтер Антонова, бухгалтер Белан, разговоривая криком и со смехом во весь голос. Бухгалтер Рагино, сверяя расчёты, употребляет разговор с таким раскатом, что можно отлично слышать за капитальной стеной.

Бухгалтер Степанова разговоривала со своим ст. бухгалтером во весь голос и даже со смехом.

Бухгалтер Жевайкина, подойдя к столу какому-либо сотруднику, дыма папиросой ему в глаза, навалившись всем корпусом на стол, ведёт чашами праздный разговор и со смехом, и другие.

В общей сложности в бухгалтерии получается общий шум и гул, напоминающий «ледовое побоище» или из наблюдения со стороны вошедшему бросается в глаза эта «дисциплина», что он зашёл не в контору предприятия, а в пивную и уже запоздавший, так как здесь уже все переписались — орут всякий свой лад.

Такое отношение в дальнейшем поведении себя на работе сотрудниками терпимым не может...
Директор Рубторга — Щербанов.

НЕ КРАСНА ИЗБА УГЛАМИ...

На некоторых предприятиях борьбу за культуру производства сводят лишь к внешнему убранству цехов.

Рис. И. СЕМЕНОВА

— А доску эту надо из цеха убрать! Она портит весь вид!

Дела давно минувших дней.

Из материалов, поступивших на конкурс Крокодила

Г. ЯКИМОВ

БЕЗРОДНАЯ КУКУШКА

(ВАСНЯ)

Кукушка, облетевши белый свет,
Вернулась в край родной из-за границы,
Хотя мы знаем, что у этой птицы
Гнезда родного даже нет.
Где полетает день, где ночь переночует,
Где просто посидит и покукует,
Где можно поживиться лакомым
куском,

Там ей и дом.
Себя полётом кругосветным увенчав,
Вот странница у ближнего гнезда присела.
— С каких земель, сестрица,

прилетела? —
Раздался голос ласковый Грача. —
Дождались мы тебя. Порадовала
к лету.

Ты, чай, забыла нас, летаючи по свету?
Соскучилась по родине, небось?
— Ну это ты, голубчик, брось! —
Кукушка, не стыдись, грачу

прокуковала. —
Ты жить в одном гнезде привык,
А я вдоль-поперёк все страны облетала

И, видя заграничный шик,
Нисколько не скучала.
Ещё бы!
Там радовал один лишь взгляд
на небоскрёбы!
Там птицы... рассказать о них нехватит
слов,

Почище здешних соловьёв!
Вот взять, к примеру, Попугая.
Ах, птица, умница какая!
Посмотришь на него — весь радугой
горит.

Какое пышное он носит оперенье!
Какое у него, послушал бы ты, пенье!
Он даже всем на удивленье
По-европейски говорит!!!

У всех «безродных» логика такая:
Дрянь заграничную хваля,
Они за перья Попугая
Отдать готовы Соловья.

г. Свердловск.

ИВ. ЕГОРОВ

БАНКЕТ

(ВАСНЯ)

Однажды Заяц на банкете
Так восклицал, войдя с пол-литра в раж:
«Друзья! К чему вся скромность эта?
Иль не богат банкетик наш?
Пей! Ни к чему сегодня мера:
Вот спотыкач, а вот мадера,
Тут горькая, а там коньяк.
Глядите: Бык-то хлещет как!
Закуска тоже здесь что надо:
Жуй шоколады-мармелады!
Ешь ветчину и пробуй сыр!»

...И вот пошёл горою пир,
И полилось вино рекою.
Медведь уж не владел собою,
Уж Кот валялся под столом,
В обнимку с толстым Барсуком,
А Заяц всё не унимался:

Он страшно волновался
За тех, кто мало пил и ел,
Как будто этим честь его задел.
Чтоб чувства пьющих не угасли,
Он восклицал: «Подать мне шпроты
в масле!

Эй, повара! Что только есть в печи,
На стол мечи!»
И яствами опять покрылся стол...

Уже храпел, уткнувшись в угол, Вол,
И, налившись, прыгала Ехидна,
Ей аплодировал Осёл,
А пиршеству конца не видно.
«Откуда всё у Зайца это,
Чтоб делать в месяц три банкета?» —
Спросила Белка рыжую Лису.
И та ответила, грызя кусок корейки
Под свист печальной канарейки:
«У Зайца нет в кармане ни копейки,
Об этом знают все в лесу».
«Тогда на что ж гостей он угощает?
Не верю я...» «Подруженька, не спорь:
У Зайца на примете Хорь,
Вот он-то всё и добывает».
«А он берёт откуда?» «Из казны!
В казну, голубушка, он ловко залезает».

Смысл басни ясен здесь и так:
Неважно то, что Заяц слаб натурой,
Он за мадеру и коньяк,
Равно как Хорь, своей ответит шкурой.

г. Сталинабад.

СООБЩАЕМ АДРЕСА

Довольно серьёзный конфликт возник между дирекцией ресторана при морском вокзале в г. Батуми и администрацией батумской механической прачечной. Всё произошло из-за скатертей. Работники ресторана очень хорошо помнили, что отдали в стирку белые скатерти. Почему же из прачечной вернулись они не белыми, а разноцветными, очень смахивающими на пёстрые цыганские платки? Причина неожиданной метаморфозы крылась в цветной кайме на скатертях. Это она окрасила скатерти в немыслимые цвета и сделала совершенно непригодными к употреблению.

Само собой разумеется, что прачечная к этой кайме не имела никакого отношения. Кайма имеет прямое отношение к работникам, изготовляющим самоокрашивающиеся вещи. Вот к ним-то и нужно обращаться со словами признательности по адресу:

г. Ленинград,
артель имени Калинина.
Председатель артели — тов. Саркисян.

Вспоощающую борьбу бюрократизму решил объявить цех ширпотреба одной из ленинградских типографий. Долго думали работники типографии, как сделать, чтобы эта борьба оказалась наиболее эффективной. Наконец, решили выпускать в продажу копируемую бумагу, абсолютно непригодную к употреблению. Таким образом, по их мнению, в канцеляриях не будут плодиться и размножаться бумажки с бесчисленными копиями — и, естественно, бюрократизму придёт конец.

Однако, борясь с бюрократизмом, цех ширпотреба совсем упустил из виду, что не мешает бороться с браком. Об этом, собственно, мы хотим напомнить по адресу:

г. Ленинград,
типография № 3 Углетехиздата.
Директор — тов. Гусин.

Сотрудники Кутаисского аэропорта приобрели в магазине чудесные кители ослепительной белизны.

Но, к сожалению (главным образом к сожалению покупателей), после первой же стирки кители из белых превратились в серо-буро-малиновые с сине-зелёным оттенком.

Тайна столь волшебного изменения цвета кителя после долгих усилий была разгадана: в воротничок кителя была вшита синяя бязь, из-за которой и получилось столь неожиданное сочетание цветов.

Артель швейников, выпускающая такие кители, носит красивое название — «Восходящая заря».

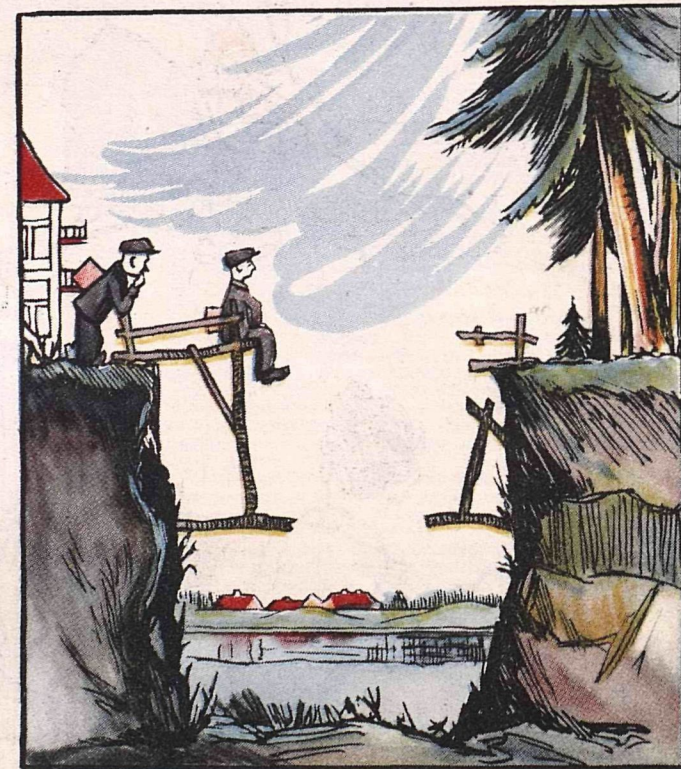
Увы, это единственная заря, вызывающая не восторги, а жалобы, которые следует направлять по адресу:

г. Кашин, Калининской обл.,
артель швейников.
Председатель артели — тов. Кудряшова.

Из рисунков, поступивших на конкурс Крокодила

Три моста, отделяющие г. Калугу от городского бора (в районе парка имени Циолковского), совершенно разрушены. В выходные дни отдыхающие вынуждены идти в обход за несколько километров.

Рис. В. ФИЛИППОВА (Калуга)

Наглядное подтверждение того, что у Калужского горкомхоза дел пропасть.

«Ладно! Вот у следующей козы обязательно скажу!»

Они приближались к следующей козе, и опять Лёша говорил не то, что хотел сказать.

Так, от козы до козы они подходили к белому уютному домику, в котором жила Даша с матерью, и здесь долго стояли, прощаясь, глядя, как крупные розовые мальвы в палисаднике клонят под ветром свои нарядные головки.

Потом Лёша той же тропинкой шёл к себе домой, — и ему казалось, что те же самые козы с явной насмешкой пялят на него узкие, почти вертикально прорезанные глаза.

— Ничего! — утешал сам себя Лёша Струнников. — Завтра обязательно скажу!

В цехе, где работали Лёша и Даша, выходила стенная газета. Но это была особая газета: она называлась «Поршень» и представляла собой большую красочную карикатуру, с короткой хлёсткой подписью под ней. Ох, и крепко же доставалось от «Поршня» бракоделам и лодырям, лентяям и растяпам!

Когда свежий номер «Поршня» появлялся на щите, вокруг него в перерыв сразу же собиралась толпа, и, если карикатура была удачной, от дружного хохота рабочих, казалось, трясутся самые стены цеха. И очень часто бывало так, что тот, над кем смеялся «Поршень», стоял здесь же, у щита. В зависимости от характера и темперамента он или почёсывал в затылке и, криво улыбаясь, говорил: «Здорово прохвати, черти!» — или сердился: «Чего смеёшься?! Гляди, как бы сам в следующий номер не попал!» — или с жаром утверждал, что «Поршень» неправ и он это докажет, «где надо».

А кончалось у всех одинаково. Потерпевший шёл к редактору «Поршня», члену партийного бюро цеха, старому, кадровому машиностроителю Ивану Спиридоновичу Голубину и говорил, опустив грешную голову:

— Спиридоныч, ты... того... распорядись, пусть снимут с «Поршня». Я даю слово — больше этого не будет!..

— У нас норма: три дня тебе висеть! — отвечал неумолимый Иван Спиридонович.

— Уж больно он жжёт крепко, твой «Поршень». Будто, извини, в крапиву голым сел.

— Ничего, посидишь, тебе такая припарка полезна! — усмехался строгий редактор в свои густые, чуть посыпанные перцем седины усы.

Карикатуры для «Поршня» рисовал Лёша Струнников. Он любил сложное и странное искусство карикатуры. Часами просиживал в городской библиотеке над комплектами сатирических журналов прошлого и настоящего, всматривался в блистательные рисунки Домье, хохотал над смешной ядовитостью Кукрыниксов. Он любил искусство карикатуры за его активное, прямое, наглядно-ощутимое воздействие на жизнь.

Темы и подписи к карикатурам «Поршня» делал третий член редакционной коллегии, лёшин приятель, комсомолец Миша Заикин — чистенький и стройный, с аккуратным пробормом на голове паренёк.

Шло заседание редколлегии «Поршня». Обсуждались темы очередных карикатур.

— Я предлагаю по растратчикам рабочего времени ударить! — решительно заявил Миша Заикин. — У нас некоторые девчата этим болеют. Ещё гудка нет на перерыв, а они уже в душевой сидят. И после перерыва многие полощутся на воде, как утки. Минут по пять, а то и по десять вырывают из рабочего дня. Дашка Чубченко особенно этим болеет. По ней и надо ударить, по Дашеньке!..

— Почему же именно по Дашеньке? — сказал Лёша Струнников, бледнея.

— Я же тебе говорю: она главная конкретная носительница. У меня материал на неё есть!..

— Но, с другой стороны, чистота — залог здоровья! — неуверенно сказал Лёша Струнников.

— Пускай она свою чистоплотность не за счёт рабочего времени доказывает. И почему ты вообще её защищаешь?

Лёша густо покраснел.

— Ты, брат, её не защищай, не защищай! — продолжал наседавать на приятеля безжалостный Миша Заикин. — Мало ли какие у тебя могут быть к ней личные чувства! Раз она конкретная носительница — кончено! Никаких личных чувств не может быть! Бери свой быстрый карандаш — рисуй её в анфас и в профиль. Всё! Правильно я говорю, Иван Спиридонович?

Голубин посмотрел на растерянного карикатуриста и, скрывая улыбку, сказал:

— Я считаю, Миша тему правильно наметил. Мы за быструю оборачиваемость средств боремся, за всяческую экономию, а они, сороки, — ну-ка посчитай! — сколько народных рубликов прополаскивают, если эти душевые минуты в деньги перевести?! Давай рисуй Дашу, всыпь ей, гладкой, как следует, чтоб другим неповадно было!..

В этот день Лёша не пошёл провожать Дашу. Прямо из цеха он отправился в клуб, где для него была отведена маленькая комнатка, которую Лёша гордо называл «моя мастерская».

Через три часа карикатура на Дашу Чубченко была готова. На рисунке Даша, скрытая перегородкой так, что видны были только голова и ступни ног, стояла под душем с баннным веником в правой руке. Милый вздёрнутый дашин носик превратился на рисунке в нахальный курносый носище, рот был растянут до ушей, прелестные карие дашины очи на рисунке напоминали автомобильные фары. И всё-таки

(Окончание см. на 8-й стр.)

Свадебный ПОДАРОК

В ЦЕХЕ многие замечали, что Лёша Струнников неравнодушен к Даше Чубченко. Это бросалось в глаза.

На вечерах в заводском клубе, когда после киносеанса или лекции в нижнем фойе начинались танцы под духовой оркестр, Лёша приглашал только Дашу.

В обеденный перерыв, когда молодёжь собиралась на заводском дворе, в жидкой тени юных тополей у фонтана, вокруг которого была разбита огромная многоцветная клумба, окаймлённая белыми камешками, всегда получалось так, что Лёша оказывался рядом с Дашей, а маленькая дашина рука, прохладная и твёрдая, — в лёшиной, большой и жаркой.

Сама собой разгоралась песня.

«Хороши весной в саду цветочки!» — запевала Даша высоким и чистым радостным soprano.

«Ещё лучше девушки весной!» — вторил ей Лёша солидным баском и так выразительно смотрел при этом на нежную смуглоту дашиной загорелой щеки, что каждому было ясно, какую именно девушку имеет в виду Лёша Струнников.

Клава Прошина, всезнайка и хохотунья, дашина приятельница, толкала соседней локтями и, показывая глазами на Лёшу и Дашу, жарко шептала:

— Вот увидите: поженятся они. Через неделю, ну от силы через две. А что? Ребята хорошие, дай бог!..

Этот прогноз был близок к истине. Но для того чтобы он осуществился, Лёша Струнников должен был объясниться с Дашей и сказать ей о своём чувстве.

Но ему было очень трудно и даже страшно сказать девушке эти несколько магических слов и потом ждать ответа, от которого, как кажется в ту роковую минуту, зависит вся твоя жизнь.

Провожая Дашу после работы домой по узкой зелёной тропинке вдоль железнодорожной насыпи (завод стоял за городом), Лёша Струнников не раз загадывал:

«Вот дойду до той козы и... скажу всё!..» Но, поровнявшись с козой, привязанной на длинной верёвке к колышку, Лёша почему-то произносил другие слова.

— Посмотри, Даша, — говорил Лёша, — какая смешная коза! Она смотрит на нас с таким удивлением, как будто видит людей в первый раз в жизни!

И Даша отвечала:

— Действительно, эта коза смотрит на нас, как баран на новые ворота!..

Они смеялись и шли дальше. И Лёша, мысленно ругая себя за несвойственную ему нерешительность, думал:

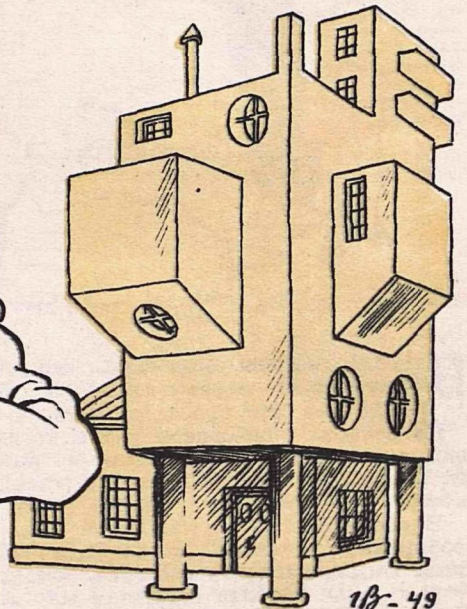

Рис. Г. ВАЛКА

УЧИТЕЛЬ И УЧЕНИКИ

(К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ
СМЕРТИ АРХИТЕКТОРА
В. И. ВАЖЕНОВА)

— Василий Иванович, не огорчайтесь! Таких зданий, как клуб имени Русакова, в Москве не будет. Видите, мы перестроились и строим сейчас хорошие дома.

это чудовище с венником было Дашей! Недаром Лёша Струнников часами просиживал в библиотеке над работами мастеров карикатуры!

Вошёл Миша Заикин, посмотрел на рисунок и захохотал.

— Похожа? — мрачно спросил Лёша Струнников и тяжело вздохнул.

— Вылитая Дашка! — пылко воскликнул Миша. — Это лучшая твоя карикатура! Обожди, я сейчас к ней стишки припаяю!

...На следующий день к началу обеденного перерыва свежий номер «Поршня» с карикатурой уже висел на щите.

Сейчас же вокруг него собрались рабочие. Подошла и Даша. Улыбаясь хохочущим товарищам, вытирая на ходу руки (она уже успела побывать в душе), ничего не подозревая, она спросила:

— Кого прохватили ребята?

— Тебя! — охотно ответили ей сразу несколько голосов. — С лёгким паром, Даша!

Толпа расступилась, Даша подошла вплотную к щиту и увидела улыбающееся чудовище с венником.

— Совсем не похожа! — сердито сказала Даша, продолжая от растерянности улыбаться.

Но, увы, красная, с бегающими глазами и с этой нелепой улыбкой на губах, она была так похожа на карикатуру, что зрители потряс новый взрыв хохота.

Даша выбежала из цеха.

...Было совсем поздно, когда Лёша Струнников подошёл к дашиному домику. Он тихо отворил калитку и вошёл в палисадник. Даша сидела на скамейке под вишней.

— Можно сесть с тобой?

Даша пожалала плечами и ничего не ответила.

Некоторое время они сидели молча. Потом Лёша сказал:

— Даша, ты пойми, что я только...

Но Даша не дала ему закончить фразу. Она вдруг бурно всхлинула и заговорила бессвязно и страстно:

— Я думала... ты меня любишь... И все так думала... Клава Прошина меня так уверяла: «Вот увидишь, он с тобой на днях объяснится!» — Объяснился!.. Спасибо!..

— Обожди, Дашенька, дай сказать! — умолял её Лёша, но Даша его не слушала.

— Если ты меня разлюбил, должен был прямо сказать, а не через «Поршень»...

— Дашенька, но ведь это же — общественное дело!..

— Я понимаю, что общественное... И понимаю, что я виновата!.. Но зачем ты меня такой уродиной намалевал?

— Это же карикатура, Даша!..

— Я знаю, что такое карикатура, я не дурочка... Карикатуры разные бывают!.. У меня нос римский, даже древнеримский — все знают! А ты что с ним сделал?..

— Дашенька, но ведь он у тебя только до половины древнеримский, а потом он неожиданно загибается кверху и становится древнерусским!..

— Нечего смеяться! Нарисовал ведьму, каких свет не видел!.. Смотрите, мол, люди добрые, разве можно такую уродину любить?!

— Можно! — сказал Лёша, привлекая к себе Дашу. — Можно, Дашенька!

...А утром Даша Чубченко и Лёша вместе подошли к Ивану Спиридоновичу, и Даша жалобно сказала:

— Иван Спиридонович, снимите меня с «Поршня». Я даю честное слово, что это больше не будет.

— У нас норма: три дня висеть! — ответил, как обычно, сурово Иван Спиридонович.

— Я за неё ручаюсь! — сказал Лёша, краснея.

— Это почему же так?

— Потому что я... в общем женюсь на ней... Ну и ручаюсь, как за жену... что никогда ничего такого с ней больше не повторится.

Строгий редактор посмотрел на смущённого художника, потом на сияющую Дашу и тоже почему-то смутился. Он подумал, что ему, старику, познавшему всю горечь и уродство старой жизни, нужно сейчас сказать что-то очень важное и значительное стоящим перед ним молодым людям, но надо было приступить к работе, и он сказал просто:

— Ну, что же, в добрый час, как говорится! Ладно, так и быть, снимем тебя, Дарья, раньше срока со щита. Пусть это будет тебе свадебным подарком от «Поршня»!

«НОВИНКИ КИНО»

Все люди полагают, что посещение кинотеатра не обязывает их ни к чему, кроме покупки билета. Так оно и есть везде и всюду. И только в кино «Метрополь» (Москва) дело обстоит не так уж просто.

Здесь посетителям вручают небольшой анкетный листок, вмещающий каж-

дому из них в гражданскую обязанность указать свой пол и возраст, сообщить, жарко, тепло или холодно было в театре, и, наконец, дать исчерпывающий ответ на глущий вопрос о потении:

— Сильным ли было оно у посетителя, умеренным, слабым или же, чего доброго, вовсе отсутствовало?

Коротко и ясно. Однако нельзя не отметить, что

слишком уж коротко, а потому не в полной мере соответствует требованиям науки и техники.

Разумеется, незачем спрашивать у посетителей, нравится ли им просмотренный фильм: это — их частное дело. Но вот вопрос о потении необходимо углубить и расширить:

— Причины его? Тёплая одежда? Быстрая ходьба? Чрезмерное поглощение жидкостей?

И главное, следовало бы спросить:

— А в какой пот бросило посетителя по ознакомлении с анкетным листком: в горячий или в холодный?

СОСИСКИ С ГАРНИРОМ

Аппетит, как известно, приходит с едой. Эту бесспорную истину хорошо усвоила администрация харьковского ресторана «Интурист». О её аппетитах легко судить, если взглянуть в меню ресторана. В этом меню, например, значится:

Сосиски натуральные — 4 рубля.

Сосиски с гарниром — 8 руб. 75 коп.

Может быть, читатель по наивности решит, что в виде гарнира к соси-

скам подаётся свинная отбивная или, скажем, шашлык по-карски. Тогда понятно, в чём дело. Но, к сожалению, гарнир прилагается самый что ни на есть скромнейший: немного картошки — и всё. Видно, в ресторане «Интурист» не совсем знают цену тому, что творят.

ВО САДУ ЛИ, В ОГОРОДЕ...

Совещание руководителей Покровского района, Таласской области (Киргизская ССР), было очень кратким. С вводным словом и с изложением существа обсуждаемого вопроса выступил секретарь райкома тов. Бахеев.

— Товарищи! — сказал он, обводя глазами при-

сутствующих. — Вопрос ясной солнечного дня. Нам нужно изыскать землю под огороды работникам райкома и райисполкома. Для этого мы тут посоветовались кое с кем (он посмотрел в сторону председателя райисполкома Джунусова) и решили: занять под огороды молодёжный парк. Земля там хорошая, и насчёт урожая можно будет не сомневаться.

— Правильно! — подтвердил с места Джунусов. — И спортивную площадку то же самое. А то взяли за моду мячом забавляться, будто у них других дел нет...

Через день парк и спортивная площадка были превращены в сотки, сотки — в грядки, и закипела работа.

Сейчас там зреет богатый урожай, радующий глаза товарищей Бахеева и Джунусова.

Не радуется только молодёжь. Впрочем, товарищи Бахеев и Джунусов этого не замечают.

МЕРОПРИЯТИЯ ОДОЛЕЛИ

Секретарь Каменецкого РК КП(б)Б, Брестской области, Андрей Тихонович

Чайковский вызвал к себе заведующего отделом пропаганды и агитации райкома Виноградова И. П. и спросил:

— Иван Петрович! А что, наш завпарткабинетом Зиньков вернулся с кампании по борьбе с сорняками?

— Давным-давно! — ответил Виноградов. — После этого он успел побывать в трёх колхозах по проверке состояния тягла, а в

двух сельсоветах помог составить план дорожного строительства. Сегодня у него выдался свободный денёк, так мы решили провести семинар агитаторов.

— Отставить семинар! —скомандовал Андрей Тихонович. — Есть более важные мероприятия. В райпотребсоюзе нужно снять товарные остатки. Особо внимание пусть обратит на удилища. Их там несколько тысяч. Такой подсчёт кому-нибудь поручать нельзя. Это можно доверить только подготовленному товарищу. Вот пусть Зиньков и перекладывает их штучка к штучке.

— А как же с парткабинетом? — нерешительно спросил Виноградов.

— Замок есть? Ну, вот и всё! Повесьте — и пусть себе висит...

И висит это непричудливое местпромское изделие на дверях парткабинета Каменецкого РК КП(б)Б. Висит днями, висит неделями. А в это время заведующий парткабинетом Василий Васильевич Зиньков или в глубинном колхозе проверяет расход минеральных удобрений на квадратный метр посева или выполняет другое, не менее важное «мероприятие» Андрея Тихоновича Чайковского.

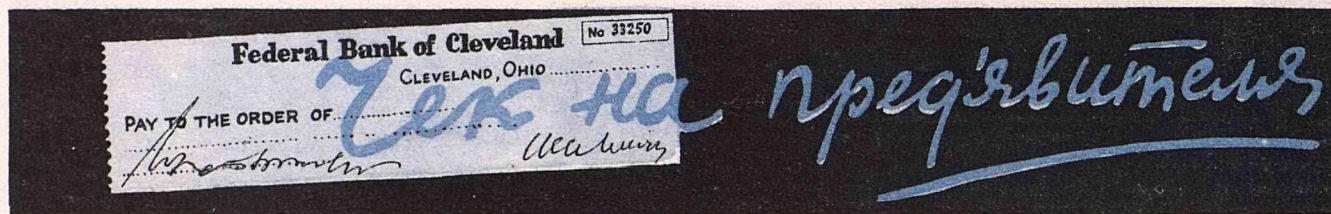
...Мы тоже за то, чтобы руководящие работники поменьше сидели в кабинетах, а побольше бывали на местах. Но кабинет кабинету — рознь, и не на всяком из них уместен замок.

В ГОСТЯХ У КРОКОДИЛА

Рис. Е. ГАНКИНА (из белорусского журнала «Вожык», Минск).

Хата, которая стоит не с краю, а в центре литературы.

ИЗ КОМЕДИИ-ПАМФЛЕТА «ТРИ ОПРОВЕРЖЕНИЯ»
(Окончание, см. №№ 18, 19, 20 и 21)

СОДЕРЖАНИЕ ПРЕДЫДУЩЕГО

Действие происходит в наши дни в американском городе. Через несколько дней после решительного объяснения, происшедшего между прогрессивным сценаристом Робертом Купером и местным представителем Комиссии по расследованию антиамериканской деятельности Джемсом Мидлтоном, в реке был обнаружен обезображенный труп Роберта Купера. На суде по обвинению Мидлтона в убийстве Купера присяжные признают Мидлтона невиновным. После оглашения оправдательного приговора обвиняемый Мидлтон неожиданно просит слова и заявляет, что Купера убили он.

Тем не менее в ходе следствия суд окончательно устанавливает, что Мидлтон непричастен к убийству Купера. Полностью разрушает версию Мидлтона необычайное заявление адвоката Стилуэлла, который сам сознаётся в убийстве им Роберта Купера.

Однако весьма доказательную версию Стилуэлла разбивает прокурор Фримэн, и, когда ему удаётся сделать это, он заявляет, что на самом деле убийцей Роберта Купера является он. Несмотря на то, что прокурор Фримэн доказал свою вину с полной очевидностью, судья Гиббс отказывается внести в протокол признания прокурора, объясняя свой отказ тем, что в действительности Купера убили он сам — судья Гиббс.

Эта необычайная конкуренция «убийц» объясняется тем, что все они поочерёдно узнавали во время процесса, что группа финансистов, пожелавших остаться неизвестными, незадолго до убийства объявила о премии в 500 тысяч долларов тому человеку, который «будет способствовать наиболее полной нейтрализации деятельности известного активиста прогрессивной партии Роберта Купера».

Во время исследования, на очной ставке всех «кандидатов в убийцы», полицейский докладывает следователю, что по данному делу хочет дать показания свидетель, утверждающий, что его зовут Роберт Купер.

ХОУ. Это ещё что? Тащите сюда этого нового Купера! (Полицейский выходит и т.) Как это вам понравится? Как будто и без того не хватало путаницы в этом деле!

(Входит Роберт КУПЕР.)

ВСЕ. Он!

— Не может быть!

— Купер!

КУПЕР. Добрый вечер, джентльмены!

ХОУ. Вы что, хотите этим сказать, что вы живы?

КУПЕР. Вы очень проникательны, сэр!

ХОУ. Но эти джентльмены утверждали, что они убили вас!

КУПЕР. Вероятно, у них для этого были свои основания.

ХОУ. Позвольте, позвольте, ведь ваше тело было найдено в реке?

КУПЕР. Не считаете же вы, что у меня имелось запасное тело, в котором я сегодня и явился к вам?

ХОУ. Что вы этим хотите сказать?

КУПЕР. Только то, что этот труп не принадлежал мне. Я лишь обнаружил эту несчастную жертву в реке вместе с одним джентльменом, который, по-моему, присутствует здесь.

МОРГАН (вставая). Да, сэр. Здравствуйте, я действительно здесь, но только я не джентльмен.

КУПЕР. А по-моему, вы единственный джентльмен среди собравшихся.

ХОУ. Ваши сентенции меня не интересуют. Свидетель Морган, этот человек действительно обнаружил труп вместе с вами?

МОРГАН. Да, господин следователь. Мы вытащили тело неизвестного вместе с этим джентльменом. Я побежал за полицией, а он остался с трупом. Когда я вернулся с полицейским, его уже не было, и с тех пор я его не видел.

ХОУ (Куперу). Значит, вы остались одни с этим трупом?..

КУПЕР. Вот именно. И как сценарист обратил внимание на три очень выгодных обстоятельства: лица на трупе, как известно, не было, ростом и костюмом покойный мог легко сойти за меня и, главное, место обнаружения трупа находилось рядом с местом нашей недавней ссоры с Мидлто-

ном, ссоры, у которой были свидетели...

ХОУ. Но в карманах трупа вы найдёте ваши документы, ваши дневники!..

КУПЕР. Разумеется, я же и снабдил его этими документами, пока мой новый знакомый побежал за полицией.

ХОУ. А записка мистера Мидлтона, которая была обнаружена в руке мертвеца?

КУПЕР. Я вложил её туда, это было последней уликой, которую нужно было создать для того, чтобы подозрение пало на Мидлтона. После чего мне пришлось скрыться до сегодняшней нашей встречи, которой я крайне рад, джентльмены.

ХОУ. Однако труп был опознан, Купер?

КУПЕР. Моими друзьями, Хоу, и по моей же просьбе.

ХОУ. Значит, вы хотели закопать Мидлтона.

КУПЕР. Нет. Мне важно было, чтобы он сознался сам.

ХОУ. Стойте. Значит, одно нам ясно: вас никто не убивал.

КУПЕР. Этот вывод делает честь вашим следовательским талантам.

ПОЛИЦЕЙСКИЙ (входя). К вам дама, сэр. Сознаться.

ХОУ. В чём сознаваться?

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. В убийстве, сэр.

ХОУ. Гоните её к черту!

ПОЛИЦЕЙСКИЙ. Но она царапается, сэр.

(Врывается разъярённая дама, которую мы видели в суде. Она тянет за собой оболтус лет пятнадцати — шестнадцати.)

ДАМА. Почему меня заставляют ждать? Я же с ребёнком! Вы следователь? Это ужасно, господин следователь, моё дитя оказалось убийцей! (Сыну.) Ну что ты ждёшь, Джимми? Сознаться же!

ДЖИММИ. Господин следователь... Это я убил...

ХОУ. Вот как? Каким же способом вы это сделали, молодой человек?

ДЖИММИ. Каким способом? Я её схватил...

ХОУ. Кого её?

ДЖИММИ. Потерпевшую...

ХОУ (вскочив). Вон отсюда!

ДАМА. Ну, ну, потише! Если перед вами беззащитное дитя, так, значит, его уже можно обижать? Я знаю, почему вы его гоните, — вы хотите сознаться сами! Я требую, чтоб малютке дали возможность сознаться в спокойной обстановке. Я требую.

ХОУ. Да вот он, Купер! ДАМА. Какой Купер? Убитый? Так он же живой?

ХОУ. Вот именно. Вы опоздали. Он оказался живым.

ДАМА. Так что же вы вводите в заблуждение порядочных людей? Идём, Джимми. Они сами не знают, кто у них живой, кто у них мёртвый... (Ушли.)

ФРИМЭН. Я требую немедленно арестовать Купера как инсинуатора.

ГИББС. И убить! Всё равно убить!

ХОУ. Погодите. Значит, вы, Купер, позаботились об уликах против Мидлтона и потом...

КУПЕР. А потом мои друзья подсунули Кливлэндской газете сообщение о премии за мою... нейтрализацию...

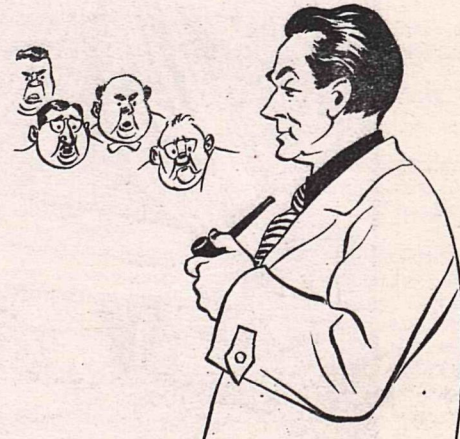
МИДЛТОН. Как? И это

было ложью?

КУПЕР. Разумеется. Всё это сообщение от первого слова до последнего придумал я сам... Но, знаете, наши газеты так падали на сенсацию...

МИДЛТОН. То есть как же... значит, Кливлэндская премия не существовала?!

КУПЕР. Кливлэндская премия — нет. Но у меня нашлись подражатели. Сегодня вы, вероятно, уже читали в газетах, что в Пуукипси действительно объявлена премия в двести тысяч долларов за нейтрализацию деятельности моего коллеги Джо-

натана Кроссби. (Вздохнув.) Кто-то воспользовался моей выдумкой, чтобы и в самом деле устранить моего друга Джонатана Кроссби.

ХОУ. Меня не интересует Джонатан Кроссби. Скажите, Купер, вы задумали всю эту историю со своим убийством там, у реки, когда нашли труп?

КУПЕР. Не совсем. У меня был начат сценарий. Приблизительно по этому же сюжету. Я даже рассказывал о нём Мидлтону. Находка тела позволила мне проверить мой сюжет в жизненных условиях. И всё подтвердилось. Даже несколько пышнее, чем я придумал. Теперь сценарий почти закончен. Не хотите ли поставить его, Мидлтон?

ХОУ. И только для этого вы всё это проделали?

КУПЕР. Нет. Я ведь знал, что мой сценарий не поставят. Ну, что ж, мне при-

СВЕТСКАЯ АМЕРИКАНСКАЯ СЕМЬЯ

(СУДЯ ПО ФИЛЬМАМ ГОЛЛИВУДСКИХ КИНОСЦЕНАРИСТОВ)

Рис. Е. ЩЕГЛОВА

Отец — подлец.

Мамка — хамка.

Племянница — пьяница.

Брат — дегенерат.

шло на эпизоде из жизни показать всем, что такое современный американский «джентльмен». Пусть видят все, как теперешние хозяева нашей страны готовят убийц, растят людей, готовых на всё, не дорожащих ни честью, ни именем, если им представляется случай нажиться, людей, для которых преступление не позорно и убийство не обременительно для совести...

ХОУ. Значит, вы задались целью сознательно скомпрометировать этих джентльменов?

КУПЕР. Поначалу моя задача была скромной. Я хотел разоблачить одного Мидлтона. На его частном примере я хотел показать всю неприглядность американской системы жизни. Но я искренне благодарен джентльменам — представителям нашей уважаемой верхушки — за то, что они так дружно пошли в убийцы...

СТИЛУЭЛЛ. Я считаю, что он имеет дело с излишне терпеливой аудиторией.

КУПЕР. Вы ошибаетесь, Стилуэлл, — моя аудитория шире. Иначе игра не стоила бы свеч. Ваша же гресса поможет мне! Слишком велик соблазн сенсации! Так вот слушайте вы, рыцари жёлтого пера! Слушайте и записывайте! Что с того, что эти люди на самом деле не убивали! Они сами сознались в том, что любой из них мог легко это сделать! Не так ли, Мидлтон? Или вы, Фримэн? Или вы, ваша честь? Эти люди — живое свидетельство тому, что кадры гангстеров куются в Америке изо дня в день. Они свидетели тому, что путь фашизму широко открыт в их Америке и они хотят вести нас по этому пути, вести к новой войне. Впрочем, об этом, уважаемые коллеги, я знаю, вы уже не напишете.

ХОУ. Вы кончили?

КУПЕР. Сценарий? Нет ещё... А говорить... Здесь мне больше не о чем гово-

рить... (Задумчиво, как бы глядя поверх присутствующих, он обращается в зал.) Вот если бы меня сейчас могли слышать в России, я бы сказал: мы хорошо помним, друзья, что есть на земле Советский Союз — совесть и надежда человечества! У него миллионы друзей и защитников во всём мире. Есть они и у нас, в Америке. Поджигатели войны ещё услышат их грозный голос — голос коммунистов, голос простых людей — настоящий голос Америки!

ХОУ. Следствию всё ясно. Значит, никто из вас, господа, не настаивает больше на том, что он убил Роберта Купера?

ГИББС. А ну вас...

ФРИМЭН. Для меня главное — факты. Если Купер жив, то приходится с этим считаться.

ХОУ. Ну что ж, вы свободны, джентльмены. Нет, не все. Купер, вас я арестую.

КУПЕР. Можно узнать, за что?

ХОУ. Я арестую вас по подозрению в убийстве. Вы первый оказались около трупа неизвестного и попытались сбить полицию с пути, подсунув ему свои документы. Согласитесь, что это — достаточное основание для вашего ареста?

ФРИМЭН. Браво, Хоу!

КУПЕР. Ну что ж, извольте. Только он не совсем неизвестный. Мне пришлось взять с собой содержимое его карманов — его документы. Его зовут Джонатан Кроссби.

СТИЛУЭЛЛ. Тот самый Кроссби, за которого объявили премию?

КУПЕР. Увы, тот самый.

МИДЛТОН. Кто же это?..

КУПЕР. Убил? Не знаю, джентльмены, не знаю.

ГИББС (к Хоу). Послушайте, господин

следователь, я с вашего позволения задержусь. Мне нужно с вами поговорить.

ФРИМЭН. Хоу, идите сюда. Я могу пролить свет на некоторые обстоятельства смерти Джонатана Кроссби.

ХОУ (секунду подумав). К сожалению, джентльмены, я уже не смогу быть вам полезен. На этот раз я попался. Будьте свидетелями моего признания: перед вами, господа, убийца Джонатана Кроссби!

МИДЛТОН. Пронюра! Подлец!

ХОУ. Не надо меня оскорблять, мне и так тяжело. Где его документы, Купер?

КУПЕР. Документы? (Ищет.) Ах, да! Вспомнил! Они у Джонатана Кроссби. Я пошутил, джентльмены, он жив. Вы потеряли премию, Хоу, но зато я нашёл концовку для моего сценария. Благодарю вас, джентльмены. Добрый вечер!

(Уходит.)

Занавес.

ВОРЫ: — Ничего в сейфе нет! Видно, здесь до нас побывали джентльмены с Уолл-стрита.

ЕСЛИ БЫ лермонтовскому Демону, мнившему себя вольным сыном эфира, довелось бы сейчас мчаться какую-нибудь Тамару в далёкие края, то он сделал бы большой крюк, пролетая над современной Австрией.

Эфир нынче в Австрии совсем не тот. В таком эфире вольным сыном не проживёшь.

Дело в том, что в Австрии сейчас наряду с маршаллизацией всей экономики, культуры и общественной жизни происходит... маршаллизация радио. Уолл-стрит запускает свои длинные щупальцы не только в недра, но и в небо Австрии. И в результате эфир здесь полон всякой дряни, начиная от «буги-вуги» и кончая гнусавым «Голосом Америки».

Недавно в австрийском парламенте при обсуждении вопроса о бюджете радиовещания выяснилась одна любопытная деталь: в Австрии почти нет австрийского радио. Крупнейшие австрийские радиостанции не являются собственностью австрийского государства. Программы радиовещания составляют не австрийцами. Вещают эти станции не по-австрийски.

Лишь по одному признаку можно ещё обнаружить австрийское «происхождение» названных радиостанций: они содержатся за счёт государства, т. е. австрийских налогоплательщиков.

Установив вышеназванный факт с полной непреложностью, депутаты парламента разыграли сценку «неприятного удивления».

— Как это могло случиться?—с наигранной наивностью вопрошали депутаты правящих в стране социалистической и народной партий.

Между тем печальная истина, которая вдруг «поразила» австрийских государственных мужей, известна в стране уже давно. Ещё задолго до заседания парламента газета «Линцер хольксблатт» констатировала, что австрийские радиостанции принуждены всё время транслировать «Голос США» или давать в эфир нечто подобное. «Как бы отрицательно радиослушатели ни относились к передачам «Голоса Америки», этот голос будет раздаваться много раз в день, вещая неинтересные и неактуальные передачи», — писала газета.

Несколько позже руководитель одной из австрийских радиостанций профессор Генц сообщил органам печати, что австрийские органы «уступили» американскому передатчику в Берлине (РИАС) монопольное право трансляции традиционного залц-

МАРШАЛЛИЗИРОВАННЫЙ ЭФИР

бургского фестиваля в 1949 году. Иными словами, музыка Моцарта была запродана на корню предприимчивым

безнесменам, орудующим в эфире.

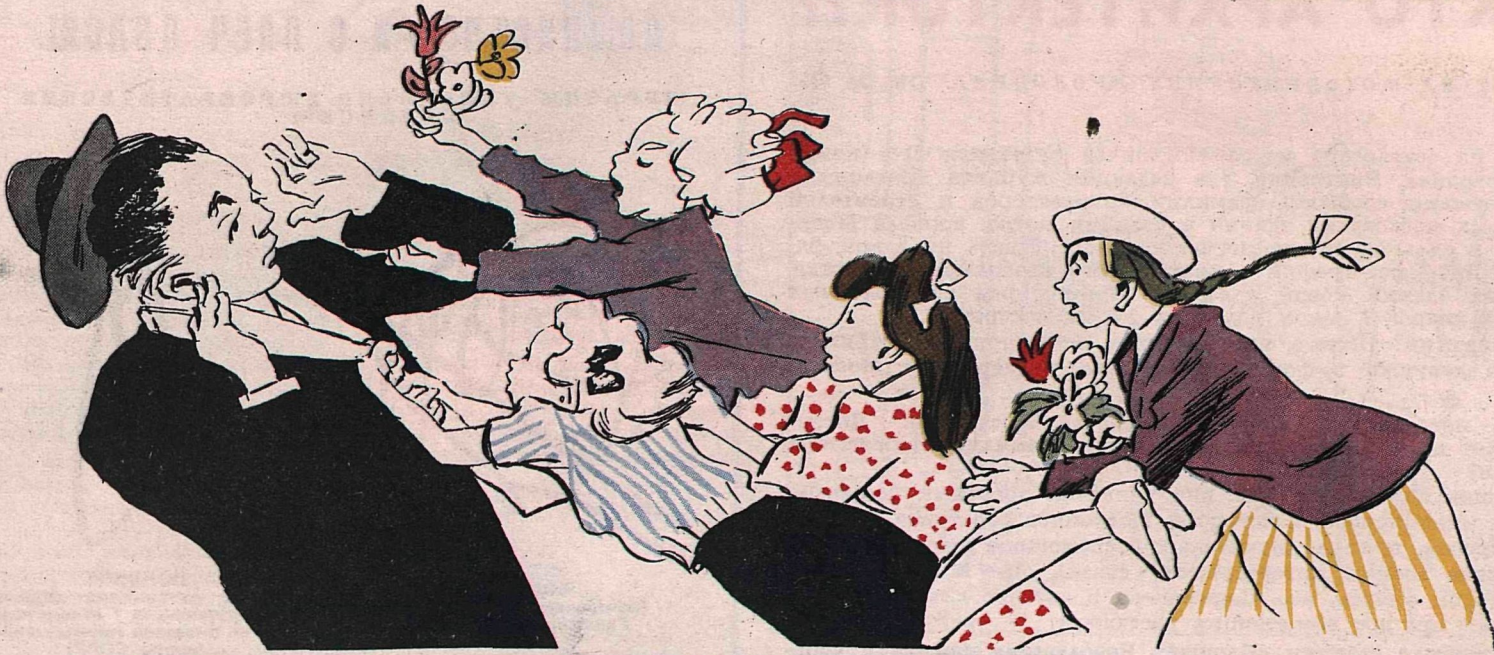
На заседании парламента картина маршаллизации австрийского эфира представилась во всей полноте. Депутат Штейнеггер рассказал, что в американской зоне Австрии австрийские радиостанции давно уже «рассматриваются как имущество США», а в британской зоне единственный крупный радиопередатчик «Альпенланд» ежедневно с 14 часов до глубокой ночи используется исключительно «для целей британских оккупационных властей». Депутат Фишер расшифровал эту формулу, констатировав, что «Альпенланд» ведёт передачи на Венгрию, Болгарию, Польшу и Албанию, занимаясь за счёт австрийцев антисоветской пропагандой. Депутат Брахман сообщил, что «в английской и американской зонах австрийские власти не имеют никакого влияния на составление программ». И, наконец, депутат Фриш меланхолично признал, что «иностранные нашествия в области эфира отнюдь не безопасно для Австрии. Влияние «буги-вуги», проникающее всюду, вплоть до самых отдалённых посёлков, отравляет культуру нашего народа».

В австрийском эфире весьма наглядно отражается политика, вершимая миссионерами «плана Маршалла» на брэнной земле. Там, где ворота страны открыты для наглого доллара, — там и в эфире разлит звуковой коктейль из надоедливой пропаганды, разнузданного «буги-вуги» и рекламных выкриков заокеанских бизнесменов.

Печальный Демон, дух изгнания, не прожил бы в таком затхлом эфире и дня. Посмотрев на то, что делается в Австрии, он стал бы ещё печальнее и полетел бы искать изгнания куда-нибудь подальше от Западной Европы и Северной Америки.

Ю. КЛЕМАНОВ

МУМА в ЭКСТАЗЕ

(ИЗ СЕРИИ «ТИПЫ, УХОДЯЩИЕ В ПРОШЛОЕ»)

ДВА ПИСЬМА

«Дорогой Крокодил! Помоги! Автор прилагаемых к сему записок мешает мне спокойно жить и работать: надоедает не только глупыми записками, но вместе с подругами терроризирует меня у театрального подъезда, у подъезда моей квартиры, во время работы на сцене.

Артист С.»

«Уважаемый Крокодил! Посылаем тебе дневник. Он достоин твоего внимания. Это дневник нашей одноклассницы. Зовут её Мума. Остальное узнаете из дневника.

Галя В., Оля Ш., Катя А.»

Как дневник, так и записки имеют один и тот же почерк, один и тот же «стиль», один и тот же запах духов «Жди меня». Несомненно, и записки и дневник принадлежат перу Мумы.

Итак —

ЗАПИСКИ МУМЫ

«Я безумно обожаю Вас в роли Ленского. Я буду сидеть в партере: 6-й ряд, 12-е место. Умоляю: во время дуэли с Онегиным взгляните на меня!»

«Вы пели божеественно. Когда Вас убили, со мной сделалось дурно, мне показалось, что Вас в самом деле убили. Но Вы жестоки — Вы не взглянули на меня. Что Вам стоило, а я была бы так счастлива. На «Риголетто» я уже имею билет: партер 8-й ряд, 12-е место. Умоляю: один только взгляд. Ну что Вам стоит?»

«Вы опять не взглянули на меня. Но я прощаю Вам — видимо, Вы, как и я, находились в тот момент в экстазе. Я Вам аплодировала больше всех, весь театр уже молчал, а я кричала: «Брависсимо!» Я никогда не кричу «бис», а всегда «брависсимо». Ура! Сегодня я буду сидеть в 1-м ряду, 6-е место. Это буквально у рампы. Я уже приготовила для Вас букет: пионы и гладиолусы. Только Вы берите его осторожно, так как я вложила несколько веток крапивы. Крапива означает жгучую любовь».

«Вы меня страшно обидели. Почему Вы не взяли букет? Все букеты взяли, а мой не взяли. Неужели Вы испугались крапивы? И всё равно я Вас обожаю. Когда вы взяли верхнее «до», я была в экстазе. Я кричала «брависсимо» до хрипоты. Честное слово, сегодня ещё горло болит. Но ничего: я вышила 5 сырых яиц — и к вечеру горло поправится. Меня даже хотели

вывести из театра за то, что я посылаю Вам воздушные поцелуи. Какие у Вас грубые служащие!»

ДНЕВНИК МУМЫ

«13 марта.

Ура! Ура! Ура! Моя коллекция пополнилась запонкой. Это, несомненно, его запонка. Когда С. вчера выходил из театра и мы его окружили, а он беспомощно размахивал руками, я заметила, что на одном рукаве нет запонки. Утром, чуть свет, я поехала к театру. И я её нашла! Верка позеленела от зависти.

20 марта.

Достоверно узнали, что С. обожает лиловый цвет. Мы с Веркой сшили платя лилового цвета, шляпки лилового цвета, купили перчатки лилового цвета. Жаль, что нигде не делают маникюр лилового цвета.

Мы за С. охотимся 4 дня. Через какой подъезд он выходит из театра?

27 марта.

Наконец-то! Вот хитрец! Оказывается, он выходил вместе с публикой через общий подъезд. Мы его полчаса не допускали до машины. Носовой платок достался Верке. Следующий платок будет обязательно мой.

3 апреля.

В «Риголетто» он божеественен! Я была в экстазе. Я так кричала «брависсимо», что обратила на себя внимание всей публики. Какой грубиян администратор — он хотел меня вывести из театра! Ждали у подъезда 2 часа — и всё напрасно. Договорились изменить тактику. Решили выставлять пикеты у всех подъездов. Платок! Во что бы то ни стало платок!

7 апреля.

Мы его выследили. Ужасно интересно! Получился целый скандал. Его жена крикнула:

— Граждане, оградите мужа от этих истеричек!

А Верка крикнула:

— Выдра рыжая!

«Выдра» позвала милиционера. Мы разбежались... Он перестал носить платки в

верхнем кармашке. Это, конечно, посоветовала жена — она ужасно ревнивая.

19 апреля.

На зло «выдре» мы пикетируем ежедневно подъезд его квартиры. Вчера он дома репетировал ариозо Ленского. Мы устроили овацию под окном. Здорово!

24 апреля.

Вчера меня и Верку вызвал директор школы. Удивительно! Культурный человек, а не понимает искусства. И нас с Веркой не понимает. Сказал, что мы не ценительницы искусства, а хулиганки. Сказал, что вызовет в школу родителей.

29 апреля.

Слушала «Евгения Онегина». Когда С. спел «куда вы удалились», нас с Веркой администратор удалил из партера. За то, что мы были в экстазе и кричали «брависсимо».

— Не мешайте артистам играть, а публике смотреть и слушать, — сказал этот грубиян и невежда.

Мы дождались у подъезда выхода С. и пожаловались на администратора. С., видимо, был не в духе после дуэли с Онегиным. Он пожал плечами и сказал, что администратор правильно поступил.

Не может быть, чтобы и С. не понимал нас, истинных поклонниц его таланта.

Выменяла у Верки платок С. на запонку и автограф С. Сама себе могу сознаться: автограф не настоящий — я его подделала, а Верка верит.

7 мая.

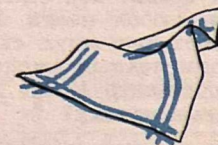
Ужасный день. Я его запомню на всю жизнь. Нас с Веркой судили. Был общественно-товарищеский суд. Собрался весь класс и все родители. Пришли артисты. В том числе С.

О, я никогда не думала, что может быть так стыдно! Я думала, что мама меня будет защищать, а она вышла на трибуну и сказала:

— Осудите её, товарищи, очень прошу. Она уроки перестала учить. Осудите, спасибо вам скажу родительское.

...Сейчас затоплю печку и сожгу коллекцию сувениров».

Д. БЕЛЯЕВ

?? КТО АРХИТЕКТОР ??

(ОТВЕТ НА ФОТОВИКТОРИНУ КРОКОДИЛА. СМ. № 21)

ЕЩЕ на эскалаторе метро Москвичёв развернул 21-й номер Крокодила. Викторина, где редакция журнала предложила читателям сообщить фамилии архитекторов и строителей некоторых московских зданий и станции метро, привела Москвичёва в сильное смущение: он не смог назвать ни одной фамилии. Пять фотографий вызвали в его воображении десятки любимых зданий новой и старой Москвы, ряд великолепных станций метро. В самом деле, кто же их построил?..

— Приезжий? Ничего, привыкнете к эскалатору, — ободряюще сказала девушка в форменном кителе, поддерживая Москвичёва.

— Да нет, знаете ли, — смеясь сказал Москвичёв. — Пятнадцать лет метро пользуюсь... Не скажете фамилию архитектора станции?

Девушка пожалала плечами: она удивлена праздным вопросом. Лицо милиционера, к которому Москвичёв обратился с таким же вопросом, приняло мучительно-беспомощное выражение.

— Очень многие интересуются, — сказал он. — Мне и самому хотелось бы узнать, но... Садитесь-ка в автобус «Экскурсии по Москве» — там про все станции расскажут.

В вестибюле станции «Площадь Революции» вежливая уборщица указала Москвичёву на мирно беседовавшего с милиционером гражданина. Это был тов. Соловьёв — начальник станции.

— Архитектор? — переспросил он Москвичёва. — Боюсь соврать на память... Прошу в кабинет, у меня там книга архитектора.

Товарищ Соловьёв выдвигал ящик стола за ящиком, приговаривая:

— Она такая лощёная, эта книга, на лощёной бумаге... А не в гардеробе она, девушки?

— Что вы, Григорий Иванович, в гардеробе одни старые отчёты, — ответили помогавшие Соловьёву сотрудницы.

Книга не нашлась.

В техническом отделе управления метрополитеном в затруднительном положении оказался тов. Соколов. С помощью ладони и наморщенного лба он тщетно пытался восстановить в памяти имена архитекторов. Спрашивал сотрудников отдела, звонил по телефону, а затем посоветовал сходить в Метропроект...

— Станций метро тридцать. Где тут всех архитекторов упомянуть! — сказал Москвичёву начальник отдела капитального строительства тов. Масленков, не назвав ни одного из них. — Поезжайте в службу сооружений, там скажут.

Как в сказке, перед упорным искателем истины лежали три пути: в Метропроект, в службу сооружений, в экскурсионный автобус.

В глубоком раздумье Москвичёв дошёл до Охотного ряда. Громады двух домов напомнили ему о других фотографиях викторины Крокодила.

Девушка, сидевшая в справочной при гостинице «Москва», покончила с вопросами Москвичёва быстро и сердито:

— Что вам нужно? Какой архитектор? Ничего не понимаю!

Москвичёв и сам видел, что девушка ничего не понимает, и оставил её в этом незавидном положении.

Взгляд Москвичёва остановился на киоске «Мосгорсправки» № 95. Идея! Искатель истины подал в окошечко листок с вопросом: «Кто архитектор гостиницы «Москва», дома Совета Министров СССР, станций метро «Новокузнецкая» и «Бауманская»?

Сотрудница долго разъясняла существо справки по телефону, обозвала кого-то «куклой, свалившейся с луны», и, наконец, сказала Москвичёву:

— Три рубля за штуку, ответ только завтра.

— Какую штуку?

— За каждого архитектора по три целковых — итого двенадцать: справки сложного характера.

Дорого и долго.

Москвичёв поднимался по улице Горького.

«А вот ещё безымянное творение», — так окрестил он здание, величественно поднимавшееся ввысь. Но тут взгляд Москвичёва упал на высеченную на сером цоколе здания Центрального телеграфа надпись: «Сооружено по проекту и под руководством инженера Ивана Ивановича Рерберга». Он читал эти простые, но полные глубокого смысла слова и раньше. Но сейчас они поразили его. Почему же, почему нет таких надписей на множестве чудесных зданий и сооружений последнего времени?

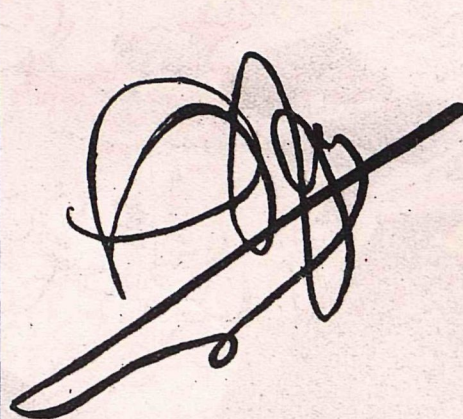
Журналист ставит под статьёй свою фамилию, имена авторов любой пьесы, любой песни всегда известны. Почему архитекторы проявляют ненужную скромность и не подписывают своих творений своим полным именем? Почему рядом с именем архитектора не поставить имена лучших строителей?

В самом деле: почему?

В. КРУГЛОВ

ПОДПИСАНО — И С ПЛЕЧ ДОЛОИ!

(ОБРАЗЦЫ УНИКАЛЬНО-БЮРОКРАТИЧЕСКИХ ПОДПИСЕЙ)

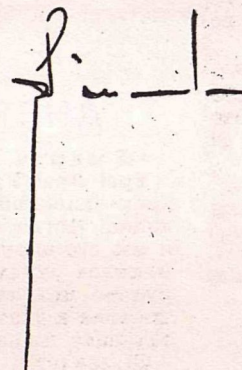
БОДРОВ
(начальник снабжения
Главмясомолстрой)

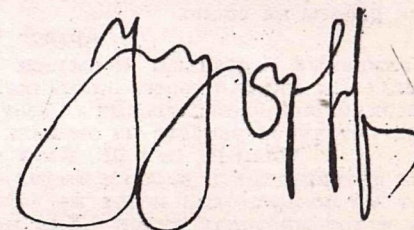
ПОЛЯКОВ
(зам. начальника отдела
оборудования Министер-
ства пищевой промышлен-
ности СССР)

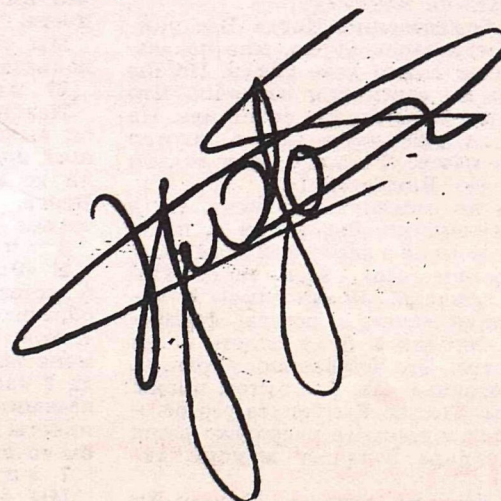
БОРСОВ
(начальник отдела оборудования
Главснаба Министерства здраво-
охранения СССР)

КОВАЛЕНКО
(управляющий трестом
«Ишимбайнефть»)

ДУБРОВСКИЙ
(бывш. зам. управляющего днепро-
петровской конторой Главснаба Ми-
нистерства пищевой промышленно-
сти СССР)

БЕРЕЗОВСКИЙ
(бывш. начальник Техснаба московской строитель-
но-монтажной конторы Главшахтовосстановление
Донбасса)

(ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ)

Уважаемый Крокодил!

Будь добр, верни покой и сон председателю Владимирской артели имени Ворошилова товарищу Пантелееву А. Ф. Избавь его от тяжкого наказания, которое пообещал ему председатель президиума Многопромпсоюза Матвеев, или хотя бы научи, как унять гнев своего начальника.

Дело вот в чём: артель имеет одну грузовую автомашину. А товарищ Матвеев обязал артель (директива № 278) сдать за год с одной этой машины восемьдесят старых шин. Иначе её, как миленькую, перестанут снабжать авторезиной.

И так прикидывал товарищ Пантелеев и этак: не получается, чтобы одна машина изнасила за год восемьдесят шин.

Они хотя резиновые, но нельзя же из шести шин вытянуть восемьдесят!

Н. ГЛЕБОВ

г. Владимир.

Дорогой Крокодил!

Я инвалид Отечественной войны, нуждаюсь в санаторно-курортном лечении. Но, оказывается, до всяких там лечебных процедур мне необходимо ещё пройти и ряд процедур канцелярских.

И вот я их прохожу.

После хождений по местным учреждениям решил написать министру социального обеспечения РСФСР. Получил ответ: «Ваше письмо переслали нач. ВМУ МВС». Получил письмо из ВМУ МВС: «Пенсионеры МВС получают путёвки через медотделы военных округов».

Обратился в ВМУ МВО. Направили в ФО МВО. ФО МВО написал: «Предоставить путёвку». По-

нёс бумагу в ВМУ МВО. Из ВМУ бумажку направили в госпиталь. Там обещали: «Путёвку пришлём». Жду — нет. Пишу в ВМУ МВО. Отвечают: «...зачислены кандидатом в Ялту в первую очередь...»

Не правда ли, какая энергичная переписка вокруг одной путёвки? Чего-чего, кажется, не делается, чтобы отправить меня на курортное лечение! Но это только так кажется.

И. КРУТИКОВ

г. Кирсанов,
Тамбовской обл.

Товарищ Крокодил!

В Киржачском районе, Владимирской области, наступили горячие дни уборки урожая.

Для того чтобы убрать урожай вовремя и без потерь, одними машинами не управиться: нужно поработать также и серпами и косами.

Мы дали об этом знать председателю Райпотребсоюза тов. Егорову и через некоторое время получили от него... один серп и пять кос детского размера.

Мы очутились в довольно затруднительном положении, но потом вспомнили, что и у тебя, дорогой Крокодил, имеется сельскохозяйственный инвентарь — вилы.

Мы очень тебя просим, загляни вместе с вилами к Егорову. Может быть, он тогда поймёт, что так нельзя готовиться к уборке урожая.

С. АЛЕКСАНДРОВ,

редактор газеты

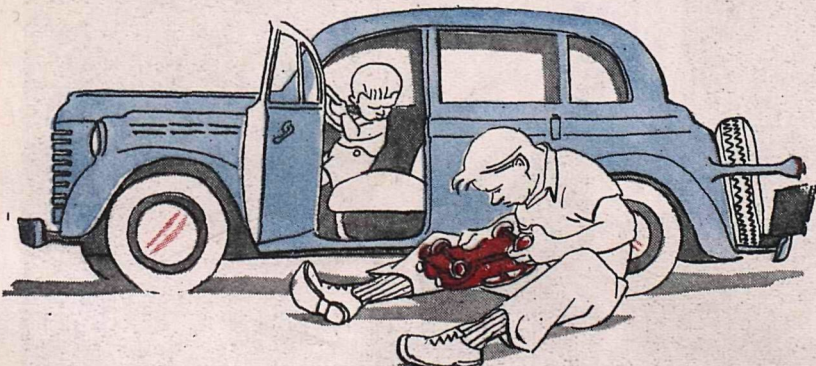
«Киржачский ударник».

Киржачский район,
Владимирской обл.

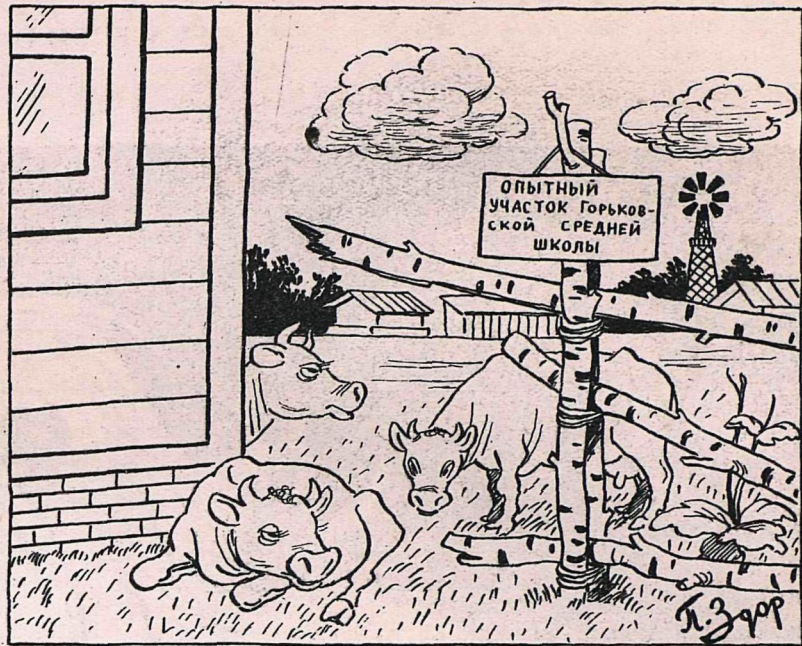
ТИХИЙ ЗАВОД

Качество заводных игрушек не отвечает требованиям потребителей.

Рис. Е. ГУРОВА и Ю. ЧЕРЕПАНОВА

Вовочка уже научился заводить большой папин автомобиль, а папа вонючую машину никак не заведёт.

Дорогой Крокодил!

Посылаю тебе свой рисунок. На нём я постарался возможно точнее изобразить наш пришкольный участок. Как видишь, на нём пасутся и с удовольствием отдыхают разные домашние животные, котормым вовсе здесь не место.

К сожалению, малые размеры рисунка не позволили мне пока-

зать местных руководящих работников, спокойно взвешивающих на эту довольно грустную картину. Но даже при наличии небольшой дозы фантазии легко представить их безразличные и беспечные физиономии.

П. ЗДОР

село Горьковское,
Омской обл.

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ НЕВЗИРАЯ НА ЛИЦА
«ЗООЛОГИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА»

В Казани существует зоологический сад. Он невелик, но порядку в нём нет. Животных в саду маловато, а посетителей ещё меньше. Недовольны казанцы садом. Надеются на улучшение его работы, но надежды не сбываются.

И вдруг в зоосад созволил пожаловать журналист, сотрудник газеты «Красная Татария». Многие сочли это событие радостным: теперь в саду пойдёт уже музыка не та!

При благосклонном содействии директора гость «все видел, высмотрел». А затем написал восторженно-хвалебную корреспонденцию. И «Красная Татария» опубликовала её.

Никаких недочётов и упущений в посланных трудах администрации зоосада корреспондент не заметил. Возможно, что по причине близорукости. Однако наряду с близорукостью он проявил и необычайную зоркость. Так, им было усмотрено, что сад очень популярен, что в саду бывает очень много посетителей. До него никто ничего подобного не замечал. Кроме того никто не изловчился лицезреть в саду полярных белых медведей, так как их не было там и нет. Корреспондент же увидел их и очень одобрил.

Прочитав корреспонденцию, жители Казани не столько огорчились, сколько удивились. Они знали, что бывают фантастические романы и повести. Но в то же время им хорошо было известно, что на столбцах советских газет никогда не появлялись фантастические корреспонденции.

А. ДЬЯЧЕНКО

КРОКОДИЛ ПОМОГ

В № 13 Крокодила помещён фельетон «Заколдованная медаль» — о том, как присудили золотую медаль сыну директора Вачской средней школы Покровскому, хотя по большинству предметов у него были посредственные оценки.

После опубликования фельетона в Крокодиле приказ Горьковского облоно отменён. Аттестат с золотой медалью предложено заменить аттестатом без отличия. Директор школы К. В. Покровский за антигосударственный поступок с работы снят и решением бюро РК ВКП(б) ему объявлен строгий выговор. Заведующему Вачским районным отделом народного образования объявлен выговор. Педагогическому совету Вачской школы указано на его безответственное отношение к решению вопроса о присуждении медали.

В № 20 Крокодила на стр. 9 опубликован рисунок Бор. Ефимова «Международное обозрение в народных поговорках». Тема к этому рисунку прислана на конкурс Крокодила из Ленинграда тов. В. Цацко.

Главный редактор — Д. БЕЛЯЕВ. Редакционная коллегия: С. ШВЕЦОВ (зам. главного редактора), А. ВАСИЛЬЕВ, С. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КАТАЕВ, Г. КОРОЛЬКОВ, КУКРЫНИКОВЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, Н. СОКОЛОВ), С. НАРИНЬЯНИ, Б. ПРОРОКОВ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 40, ул. «Правды», 24, тел. Д 3-32-50, Д 3-33-47. Приём ежедневно с 1 до 5 часов. Подписная цена на журнал — 3 руб. 60 коп. в месяц. Москва. Изд. № 611. Подписано к печати 2/VIII 1949 г. Статформат 72 × 105 см. Печ. л. 2. Кол. зн. в 1 печ. л. 78 000. А — 09511. Типография газеты «Правда» имени Сталина. Москва, ул. «Правды», 24. Заказ № 1943. Тираж 165.000 экз.

39 10 АВГ. 1949

ЛЕЧЕНИЕ ГИПНОЗОМ

Всесоюзная
Книжная Палата
Обл. экземп. 29 Ж
1949 г.

Рис. Бор. ЕФИМОВА

ЭТТЛИ: — Запомните!.. Запомните!.. Запомните: во всём виноваты коммунисты!